

Николаев Г.А. Новгородские берестяные грамоты и проблемы русского исторического словообразования / Г.А.Николаев // Язык образования и образование языка: Материалы международной конференции (Великий Новгород, 11-13 июня 2000 года). - Великий Новгород: Изд-во НовГУ, 2000. - С. 217-218.

Уникальность языкового материала новгородских берестяных грамот, а именно необычайная близость его к разговорному языку древних новгородцев и его более чем пятисотлетняя хронологическая протяженность (с начала XI по XVI вв.), делает показания этих источников бесценными при решении многих вопросов истории русского языка, в том числе и вопросов русского исторического словообразования. Как ни парадоксально, но этот материал до сих пор оказался почти не востребованным именно в историко-словообразовательных исследованиях.

Известно, что НБГ по целому ряду факторов как экстралингвистических (объем грамот, их фрагментарность), так и языковых (трафаретность содержания и текстопостроения) имеют незначительный по объему лексический материал, насыщенный именами собственными (антропонимами и топонимами), которые часто восходят к притяжательным прилагательным. Возможно, поэтому в существующих исследованиях по словообразованию в НБГ основное внимание уделено именам собственным и притяжательным прилагательным (Зализняк), а другие производные слова не рассматривались на должном уровне.

В связи с этим ближайшими задачами историка языка являются:

1. исследование системы словообразовательных типов в языке берестяных грамот (желательно, при сопоставлении ее с аналогичными системами других новгородских языковых памятников того же времени – деловых актов, новгородских летописей и т.д.), выяснение структурной, семантической и жанрово-стилистической специфики соответствующих производных образований (при установлении определенного отражения в них языковой картины мира древнего новгородца);

2. применение полученных выводов для решения проблем русского исторического словообразования.

Новгородские берестяные грамоты представляют собой отдельный жанр древнерусской письменности. Одним из наиболее ярких показателей языковой специфики жанра являются отраженные в памятниках словообразовательные формы, а среди них – производные имена существительные, несущие в древнерусском тексте основную стилистическую нагрузку. Поэтому основное внимание в докладе будет уделено производным субстантивным формам, зафиксированным в НБГ.

В древнерусской системе именного словообразования следует выделить два семантических центра – имена со значением лица и имена отвлеченного действия. Все остальные словообразовательные формы так или иначе тяготеют к этим двум центральным группам или, учитывая семантический синкретизм древнерусских языковых единиц, входили вместе с ними в соответствующие синкреты.

А priori можно предположить, что основу системы словообразовательных типов, отраженных в языке НБГ, составят общеязыковые и народно-разговорные словообразовательные единицы. Действительно, основным выразителем значения действия в НБГ были образования нулевой

суффиксации. Отмечено около 100 отдельных образований нулевой суффиксации, четверть среди которых составляют нехристианские имена собственные, прозвища типа **Възоръ**, **Завидъ**, **Надѣи**, **Насилъ**, **Промыслъ**, **Рыкъ**, **Храпъ** и др. Привлечение в нашем исследовании имен собственных имеет принципиальное значение, так как они образованы семантическим путем от соответствующих имен нарицательных и сохраняют живую словообразовательную структуру своих производящих.

Нам особенно важно подчеркнуть присутствие в языке НБГ *nomina actionis* с суффиксом **-ѣка** (8 образований): **блѣстѣка**, **довѣдѣка**, **оточѣка**, **отсылѣка**, **помѣтѣка**, **правѣка** и **привитѣка**. НБГ дают наиболее раннюю фиксацию слов этого СТ (с XII-XIII вв.). В словарях, составленных до открытия НБГ, например, в Материалах И.И. Срезневского, имена на **-ѣка** отмечаются по более поздним памятникам (с XIV века). Считается, что имена на **-ѣка** образовались на базе имен нулевой суффиксации и лишь позднее были охвачены словообразовательными связями с глаголом. Разделяя эту точку зрения, я должен отметить, что образования на **-ѣка** в НБГ имеют четкую глагольную соотношенность при отсутствии образований нулевой суффиксации, которые могли бы рассматриваться как исторически производящие для этих имен (может быть, за исключением слова **отсылѣка**). Имена на **-ѣка** имели яркую разговорную окраску, поэтому присутствие их в НБГ вполне закономерно.

Главными выразителями значения лица в языке НБГ являются нейтрально-стилистические образования с суффиксами **-ѣникъ** и **-ѣць** (до двух десятков каждого СТ), называющие лиц реальной новгородской жизни того периода (**посадѣникъ**, **половѣникъ**, **кожевѣникъ**, **вежѣникъ**, **данѣникъ**, **новѣгородѣць**, **рядѣць**, **сѣждальѣць** и др.). Среди них нет слов книжного характера, за исключением слова **творѣць**, отмеченного в берестяной грамоте с церковнославянским текстом. Таких грамот насчитывается 14. Значение лица передается в них суффиксом **-ѣтель** (**зижитѣль**, **избавитѣль**), отсутствующим в берестяных письмах. Известно, что суффикс **-ѣць** являлся в древнерусском языке продуктивным средством оформления сложных *nomina agentis* и в первую очередь в книжных (чаще переводных) текстах. В языке НБГ он тоже встречается в двух сложных словах, но со значением **житель** города, территории: см. выше **новѣгородѣць**, а также **смезѣрьѣць**.

Неожиданно много оказалось в языке НБГ имен с суффиксом **-анинѣ** – 28 слов, большинство которых называет жителей каких-либо мест. Среди них – **новѣгорожанинѣ**, представляющее словообразовательный синоним к слову **новѣгородѣць** – явление крайне редкое в пределах памятников одного жанрово-стилистического разряда. Обилие имен на **-анинѣ** в НБГ окончательно решает вопрос в пользу общеславянского, а не старославянского происхождения этого суффикса. На примере других книжных суффиксов (**-ѣтель**, **-остѣ**, **-ѣство**, **-ѣствие**, **-ниѣ** и др.) мы видим, что их проникновение в язык НБГ сильно ограничен. Наибольшим числом здесь представлены имена с суффиксом **-ниѣ** – 11 слов (4 из них – в грамотах с цсл текстом), но большинство их конкретизировано, как и в других памятниках делового языка, а некоторые из этих имен имеют "чисто новгородское" значение: **покланянѣ** – "письменный привет" и **клепанѣ** – "кованые изделия".

Не меньшей неожиданностью является, можно сказать, отсутствие в языке НБГ имен с суффиксом **-щикъ** (встречено только одно слово **праведъщикъ**). Этот суффикс имеет четкую народно-разговорную принадлежность и широко употреблялся в московском деловом языке с XIII века. Встречается он и в не берестяных грамотах Великого Новгорода, правда, значительно реже, чем в грамотах Москвы. Ср., например, два слова в новгородских актах (**тальщикъ**, **закладъщикъ**) и четыре образования в ответе на одну из новгородских грамот московского князя (**грабежьщикъ**, **доводъщикъ**, **наводъщикъ** и **наѣздъщикъ** – ГВНП, 27). Не подтверждает ли языковой материал НБГ тюркскую гипотезу происхождения суффикса **-щик** в русском языке (основания гипотезы: встречается только в русском языке, только в московских памятниках и только с XIII века)? Смело можно сказать, что не подтверждает. Известно, что суффикс сам по себе не заимствуется: он приходит в язык-рецептор вместе со словами и уже в новом языке на основе рэтимологизации ("народной этимологии") выделяется как аффикс. Материал истории русского языка показывает, что первые слова с суффиксом **-щик** имели в русском языке исконные славянские основы: **данъщикъ**, **прикащикъ**, **порутъчикъ**, **доводъщикъ**, **праведъщикъ** и др.). И только столетие спустя появляется первое слово на **-щик** с тюркской основой – **ямщикъ**. Таким образом, отсутствие имен на **-щик** в новгородской письменности следует отнести к особенностям словообразования местного диалекта, имеющего, как известно, определенные связи с восточно-польскими говорами, в которых тоже нет суффикса **-щик**.

Словообразовательное поле субстантивной деривации НБГ характеризуется еще некоторыми регулярными типами. В первую очередь здесь нужно назвать категорию имен с уменьшительным значением. Эта категория является маркированной: она встречается в текстах, отражающих народно-разговорное начало русского письменного языка. Поэтому она весьма продуктивна в НБГ и отличает их от других деловых памятников новгородского происхождения (ГВНП), где уменьшительных образований значительно меньше. Но что сближает НБГ с не берестяными грамотами Новгорода и Москвы, это большое количество субстантиватов (так называемых прилагательных, перешедших в существительные). Субстантиваты встречаются в текстах разной жанрово-стилистической принадлежности, т.е. являются общеязыковой категорией. Однако в каждой жанрово-стилистической группе они употребляются с разной номинативной и коммуникативной направленностью. Так, субстантиваты мужского рода выступают во всех жанрах в значении лица мужского пола (или обобщенного лица, без указания на пол: "от мала до велика"). Но в памятниках славяно-книжного разряда они называют лицо на основе канонических характеристик (святой, преподобный, нищий, убогий, юродивый и т.п.). В деловом языке, в языке НБГ эти субстантиваты называют лицо по его социальному положению (**воиский**, **подвоиский**, **сотъский**, **дворьный**, **дѣтъский** – примеры из НБГ).

Субстантиваты среднего рода в деловом языке часто специализированы и терминологизированы: называют разного рода подати и налоги. Ср. в НБГ: **железное**, **крытьное**, **поногатыное**, **почаестое**; в ГВНП: **вязчее**, **гостинное** и др.

Итак, мы видим, что язык НБГ лишний раз подчеркивает, что система словообразовательных типов в языке необычного" употребления казалось бы

известных образований: *вѣра* – "клятва, присяга", *голѹвина* – "голубая ткань", *зелень* – "зеленая ткань", *завалъ* – "скошенное сено вдоль прогона", *искость* – "цена за скошенное сено", *посолъ* – "соленье, соленая рыба", ср. также *покланяньє* и *клепаньє* и др. Общеязыковая словообразовательная семантика этих слов своеобразно осложняется лексической семантикой.

Словообразовательные формы, отраженные в языке НБГ (и прежде всего формы субстантивного словопроизводства), имеют определяющее значение при решении целого ряда проблем русского исторического словообразования. Прежде всего речь идет о формировании и развитии конфиксального способа образования слов в русском языке.

Конфигкация в русском языке как самостоятельный способ словопроизводства формировался довольно поздно. В становлении конфиксации в русском языке пересекались два источника – народно-славянский и калькирование с греческого. Кстати, оба эти пути отразились и в языке НБГ. Так, слова *безаконіе*, *бездумье*, *присловье*, вероятнее всего, являются кальками и внесены в текст НБГ из книжного языка (тем более, что грамоты эти относятся к грамотам с цсл текстом). Нам особенно ценны народные конфиксальные структуры в языке НБГ, а среди них и конфиксальные топонимы: *Замолмосовье*, *Залѣсенье*, *Заволочье*, *Заозерье*, *Подгорье* и др.; ср.: *везадыщина*, *заутрѣе*, *оперсьникъ погородье*, *полюдьє*, *прилвица*, *паровок*, *пасынок*. НБГ показывают не только основные структуры конфиксации, но и увеличение их на протяжении того времени, которое отражено в хронологии этих грамот.

Таким образом, краткий обзор словообразовательных особенностей новгородских берестяных грамот должен был показать, что НБГ представляют в этом аспекте своеобразный жанр древнерусской письменности. Отраженные в НБГ словообразовательные формы корректируют некоторые положения науки об историческом словообразовании русского языка, дополняя известные факты новыми живыми формами. И даже через максимально замоделированную сферу языка пробиваются ростки живой древненовгородской речи.